

Б. Г. Пантелеймонов в годы революции и Гражданской войны

И. А. Махнанова –

архивист 1 категории отдела научно-исследовательской
и организационно-методической работы
Исторического архива Омской области (Омск)

***Аннотация.** В статье излагаются ранее неизвестные факты биографии Б. Г. Пантелеймонова (1888–1950), химика, писателя, уроженца Тобольской губернии (Омской области), установленные по архивным документам. Сведения охватывают период жизни земляка с 1917 по 1920-е гг.*

***Ключевые слова:** Б. Г. Пантелеймонов, писатель, химик, арест, ссылка, эмиграция, архив.*

B. G. Panteleymonov in the Years of the Revolution and Civil War

I. A. Makhnanova –

1st Category Archivist of the Department of Research
and Organizational and Methodological Work
at the Historical Archive of the Omsk Region (Omsk)

***Annotation.** The article presents previously unknown facts of the biography of B. G. Panteleymonov (1888–1950), a chemist, writer, born in Tobolsk province (Omsk region), established according to archival documents. The information covers the period of life of the countryman from 1917 to the 1920s.*

***Keywords:** B. G. Panteleymonov, writer, chemist, arrest, reference, emigration, archive.*

Борис Григорьевич Пантелеймонов умел соответствовать запросам времени даже в беспокойные годы. Пытливый и способный, он располагал к себе окружающих представительной внешностью,

доброжелательной улыбкой, открытостью и искренностью в общении. После трех арестов и ссылки в годы, предшествовавшие его участию в Первой мировой войне, весной 1917 г. он избран от своей военной части гласным Московской городской думы по спискам фракции эсеров [1]. Далее последовало несколько назначений с повышениями в должности и увеличением жалованья, а также очередной арест «по политическим мотивам».

Немногим ранее ареста, в сентябре 1919 г., для представления в Московский окружной комиссариат по военным делам и «срочно в течение 3-х дней назначения на должность по специальности» в своем жизнеописании Б. Г. Пантелеймонов указал: «На военной службе (по мобилизации). Член химической команды при штабе 9-й армии. Служба в Химическом комитете при Главном артиллерийском управлении. Старший помощник начальника центрального склада удушливых средств при Гл. арт. упр. (проект постройки склада). Директор химических заводов “Фармак” в Москве. Технический консультант “Центротекстиля”. Председатель технической консультации при Союзе военно-увечных» [2].

Пантелеймонов принят служащим Московской железной дороги. Вскоре выяснилось, что он оказался на редкость незаменимым специалистом Народного комитета путей сообщения. В ноябре 1919 г. его «вызволяли» официальным письмом в адрес Чрезвычайной комиссии: «Уже более месяца находится под арестом заведывающий химическим отделением Хозяйственно-материального управления ж. д. НКПС Пантелеймонов Борис Григорьевич. Арест т. Пантелеймонова вредно отзывается на работе вверенного ему отделения, выполняющего целый ряд ответственных срочных заданий, в силу чего, если т. Пантелеймонову не предъявлено никакого обвинения, ХМУ ж. д. НКПС просит в интересах дела о срочном его освобождении. Управляющий ХМУ ж. д. Управляющий отделом материалов» [3].

И отпустили, несмотря на «политические мотивы». Вероятно, стало известно, что арестованный – «слуга двух господ» (государственных ведомств стратегической важности) – из особой категории специалистов. Время требовало максимальной отдачи, его знания были необходимы, потому и перестали преследовать. Подтверждением наших предположений является недавно обнаруженный незамедлительный ответ на запрос мобилизационного отдела Военного

комиссариата города Москвы об отношении «бывшего офицера» к военной службе: «Пантелеймонов Борис Григорьевич от призыва не освобожден и находится на военной службе. <...> В Народном комиссариате путей сообщения он находится в прикомандировании от военного ведомства в качестве химика, заведывающим отделением, ведущим неотложным снабжением железных дорог химическими продуктами, требующимися в случаях взрыва мостов, а также вопросами по восстановлению разрушенного телеграфа и пр., почему присутствие его в качестве сотрудника НКПС представляется совершенно необходимым, как об этом докладывалось в свое время начальнику Всероссийского Главного штаба, отношением Хоз.-матер. управления НКПС от 8 с. м. за № 57081» [2].

Несмотря на кратковременный арест и состоявшееся освобождение, рассматриваемые документы хранились под грифом «Совершенно секретно» долгие годы. В 1922 г. «в лучших традициях» рутинного канцелярского оборота (когда Пантелеймонов успешно работал на молодое Советское государство) появится заключение: «Ввиду того, что существенного материала не имеется в деле и арестованный освобожден, полагаю делопроизводство прекратить и дело сдать в архив». Архивное дело рассекречено только в 1999 г., а в 2004 г., через 80 с лишним лет, дополнилось справкой о реабилитации [3].

И это только одна тема – «партийно-политического надзора» – в уникальной судьбе нашего земляка, награжденного за участие в боевых сражениях орденом Святого Станислава III степени с мечами и бантом, орденом Святой Анны III степени, выпускника 2-й Петергофской школы прапорщиков [4]. В 1920-е гг. Пантелеймонов будет активно работать в Крыму и на Украине – Симеиз, Симферополь, Саки, Одесса. Сохранились подробные письма-отчеты Б. Г. Пантелеймонова о проделанной в 1923–1925 гг. работе своему коллеге, при поддержке которого они велись, – академику И. А. Каблукову [5].

Слежка, подозрения в неблагонадежности, гласный и негласный надзор полиции, в том числе уже и в советские годы, без сомнения, остались в памяти, возможно, повлияли на принятое решение переехать за границу для работы по специальности. Не вернуться из научной зарубежной поездки означало бросить вызов судьбе, в одночасье

взвалить на себя бремя невозвращенца. Документальных подтверждений, которые бы внятно объяснили причину такого выбора, пока не обнаружено. Отчасти версия об опасениях в ограничении профессиональной свободы для самореализации подтверждается недавно обнаруженной дневниковой записью 1941 г. о тех событиях конца 1920-х гг.: «В Париже просочился слух, что В. Н. Ипатьев скончался в Америке. Вспомнил роковое для меня свидание с ним в Берлине. Обуреваемый сомнениями пошел я к В. Н. в гостиницу посоветоваться – ехать мне на Мертвое море, куда был приглашен, или нет. В посольстве сказали мне категорически нет. В. Н. вышел из себя и решительно сказал: конечно поезжайте. Так решила моя судьба. Если бы я знал тогда, что он-то сам решил уже не возвращаться, я не обратился бы к нему за советом. И по-моему, он не имел морального права давать мне такой совет, скрыть от меня это. Ну, Бог с ним» [6, л. 61]. На чужбине, в эмиграции, нашему земляку, химику и писателю, останется работать немногим более 20 плодотворных лет жизни.

Свою жизнь Пантелеймонов посвятил химии, но последние годы жизни самозабвенно занимался литературой. Он рассказывал в своем творчестве о родной Сибири, России, автобиографических событиях, жизни легендарных ученых, чей вклад в мировую науку неоспорим. Литературная биография писателя оказалась недолгой, но счастливой. Через 70 лет он вернулся на родину собранием сочинений в трех томах. Новые страницы в биографии Бориса Григорьевича Пантелеймонова еще ждут своего исследователя и читателя. Научное наследие и литературное творчество все еще собирается по отечественным и зарубежным архивам.

Список источников и литературы

1. ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 22. Д. 66. Л. 1–10.
2. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 25. Д. 963. Л. 1–16.
3. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-58300. Л. 1–29.
4. РГВИА. Ф. 409. П/с 167-500–167-527. Л. 186–187 об.
5. Архив РАН. Ф. 474. Оп. 3. Д. 599. Л. 1–23.
6. Архив РАН. Ф. Р-V. Оп. 3П. Д. 6. Л. 1–231.